

либо возможности ознакомиться с их взглядами, должен будет убедиться в справедливости сказанного, на основании ссылок авторов трактатов на указанные авторитеты и выдержек из их сочинений. Особенно наглядна в этом отношении записка Симеона Полоцкого со старательно сделанными сносками, указывающими использованные им источники.

Но несомненно и то, что русские трактаты представляют собою не простой пересказ взглядов византийских теоретиков-богословов и не механическую компиляцию из их сочинений. В этих трактатах произведен отбор положений, выдвинутых греческими авторами, некоторые положения даны в ином изложении, возможно в ином осмыслении. Здесь нет необходимости сопоставлять наши трактаты с сочинениями византийцев и выяснять точнее отношение первых ко вторым. Это — совсем особая тема, большая и сложная работа. Но можно и важно отметить, что „Слово“ Симона Ушакова, записка Симеона Полоцкого и обе грамоты — каждый документ в отдельности — оригинальны вразвитии мыслей, построении рассуждений, в выборе аргументов. В этом отношении они — самостоятельные произведения. Несомненно также и то, что, используя высказывания авторитетов, они излагали мнения своей эпохи.

Возникнув в условиях коренных изменений в русской культуре, начавшихся в XVII веке, русские трактаты отнюдь не вступили в противоречие с тем отношением к искусству, которое было выражено в нашей письменности прежде. Напротив, в своих основных положениях они изложили взгляды, существовавшие издавна, но до XVII века остававшиеся неосознанными. Взгляды эти не были чисто книжными взглядами: в основе своей они соответствовали господствующим представлениям об искусстве, распространенным в обиходе.

Как уже сказано, в русской письменности до середины XVII века не известно ни одного сочинения, специально посвященного искусству. Но отношение к последнему проявилось в многочисленных высказываниях по поводу архитектурных сооружений, произведений живописи, прикладного искусства и по иным поводам.

За пять столетий до появления рассматриваемых трактатов Кирилл Туровский, выдающийся и образованнейший деятель Руси второй половины XII века, пояснял задачи искусства (литературы) почти теми же словами, что и авторы XVII века. „Историцы и ветиа, — говорил он в „Слове на седьмую неделю по пасце“, — приклоняють свои слухы в бывшаа между царей рати и ополчения, да украсить словесы слышащая и возвеличать крепко храбровавшая и мужествовавшая по своем цари и не давших в брани плещи врагомь и тех славяще похвалами венчаеть...“¹ Мысль эта имела давнюю литературную традицию, которая через сочинения византийских авторов восходит к античности. Но для наших целей история того или иного суждения не имеет особого значения. Важно в данном случае то, что суждения высказывались и, следовательно, разделялись русскими авторами.

Так, следует, например, отметить, что уже с XI века в русской письменности цитируются слова Василия Великого, смысл которых заключается в том, что изображение как бы заменяет собою изображенное. В Повести временных лет, в статье, составленной в конце XI века, мысль Василия Великого передана так: „яко же глаголеть

¹ Памятники древнерусской церковно-поучительной литературы, вып. I. СПб., 1894.